

ИЛИАДА

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЭПОС В ПЕРЕСКАЗЕ

Сергея Носова

ЛИТЕРАТУРНАЯ
МАТРИЦА

MATRIX
ΣPICUS

Matrix Epicus

Эпосы, легенды и сказания

**Илиада. Древнегреческий эпос
в пересказе Сергея Носова**

«Издательство К.Тублина»

2023

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Эпосы, легенды и сказания

Илиада. Древнегреческий эпос в пересказе Сергея Носова /
Эпосы, легенды и сказания — «Издательство К.Тублина»,
2023 — (Matrix Epicus)

ISBN 978-5-83-700941-9

«Илиада», много веков служившая источником вдохновения для поэтов, художников и композиторов, не нуждается в представлении, хотя – будем честны – подавляющее большинство современников знакомо с этим литературным памятником исключительно по экранизациям. Многие ли знают, что в «Илиаде» нет ни сцены суда Париса, ни сцены похищения Елены, ни дара данайцев – троянского коня? Что она начинается ссорой Ахилла с Агамемноном и заканчивается погребением Гектора? Для многих эта книга станет открытием как раз гомеровской «Илиады», самого мифа. Сергей Носов, прозаик и драматург, лауреат премии «Национальный бестселлер», на сей раз выступает в роли вольного сказителя – как если бы традиция свободного изложения известного сюжета продолжалась до сих пор, даже спустя тысячелетия после Гомера.

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-83-700941-9

© Эпосы, легенды и сказания, 2023
© Издательство К.Тублина, 2023

Содержание

Надеть хитон и взять кифару	6
Илиада	9
Троянская язва	11
Фетида	16
Сон Агамемнона. Испытание войска	18
Каталог кораблей	21
Отступление в духе вступления	24
Клятвы. Елена. Бой Менелая с Парисом	27
Нарушение клятвы	32
Подвиги Диомеда	36
Гектор в городе. Прощание с Андромахой	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Носов

Илиада. Древнегреческий эпос в пересказе Сергея Носова

© Сергей Носов, пересказ, 2023

© Александр Веселов, иллюстрации, 2023

© ООО «Литературная матрица», 2023

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2023

© А. Веселов, иллюстрации, оформление, 2023

* * *

Надеть хитон и взять кифару

Вместо предисловия

Все знают, что был Гомер (или не был, но все равно «был») и что есть такая вещь – «Илиада». Все о ней имеют свои представления. Многие убеждены, что они читали «Илиаду», тогда как они ошибаются. Большинство верит, что троянский конь – это оттуда. И что там Ахилла убивают в пятку. Страшно изумляются, узнав, что ни об «ахиллесовой пяте», ни о троянском коне даже нет упоминаний в «Илиаде», и вообще там всё завершается до падения Трои.

Лишь одна всеобщая убеждённость отвечает истине: читать Гомера трудно.

То, что Гомера читать, – это труд, причём не обещающий обязательного успеха, ни для кого не тайна.

Но и пересказы Гомера, вот что странно, чтение не самое увлекательное. Скучновато читать адаптации, не так разве? Гомер минус Гомер наводит уныние. Гомер без Гомера – это уже не Гомер, а его содержание.

Жанр есть такой – содержание.

Для чего читать содержание? Чтобы знать, что и где, кто куда и кого как. Для общего представления о целом. Для общего образования, как говорится. В специфических случаях – по обязанности (сдать зачёт, просветить внуков, выиграть пари...).

И Гнедич к переводу «Илиады», и Жуковский к переводу «Одиссеи» присовокупляли краткое содержание – в помощь тем, кто готов Гомера открыть через их замечательные переводы. Иной современный читатель («иной читатель...») мог бы, наверное, пожелать, чтобы оригинального – в смысле переведённого – текста было поменьше, а краткого содержания побольше. Мы его понимаем. Информативности хочется. Содержания хочется, но не самого Гомера... Пусть во всём своём содержании будет Гомер предъявлен, но не сам Гомер...

А что такое «сам Гомер» – он где?

А вот где. В горящих глазах слушателей. В том, как они внимают, разинув рты и забыв обо всём на свете. В том, как взволнованный голос, исполняющий песни эти (с их «содержанием!»), подчинив себе, не отпускает уже, а из-под тебя земля вышиблена, и ты, позабыв, что ты на пиру, плывёшь, плывёшь... что твой Одиссей по бескрайнему морю!..

Не для того создавалось всё это, чтобы наводить уныние, – наоборот, чтобы увлекать каждым словом.

А что тогда никто не скучал, слушая песнопевца, можно не сомневаться.

Странно было бы нашему современнику ждать от этих песен, от этих текстов, возраст которых на тысячелетия идёт, того же воспламеняющего заряда. Для нас они «литературные памятники», а для тех, для кого в самом деле пелись, это было что-то совершенно живое, горячее, обжигающее...

Аэд, исполнитель песен о Троянской войне или странствиях Одиссея, или (до нас не дошло) о бедствиях победителей, возвращающихся на родину, знал задачу – увлечь. И он увлекал. Потому что сам был увлечён.

Блаженны не знающие Интернета и Голливуда!.. телевизионных программ, лент новостей, газетных полос!..

Воображение у них посильнее нашего, память – лучше, язык – красивее...

Богаче был язык, говорю, и умели они воспринимать сложные тексты.

Но и мы не хотим чувствовать себя обделёнными. И мы хотим «Илиаду». Без гекзаметра и покороче. И как бы так постараться, чтобы и нас она, как их, увлекала?... Возможно ли это?

Нет, конечно.

Совсем? Но хоть что-нибудь можно сделать?

Что-нибудь можно. Надо позвать сказителя.

Проблема всех содержаний: сказителя не хватает.

Не Гомера. Куда там!.. Просто промежуточной фигуры, посредника, исполнителя – как умеет...

Условного рассказчика, но человекообразно заданного. Чтобы голос у него хоть какой-нибудь был – но голос! И задача – увлечь.

Пересказами одного содержания образ песнопевца не предусмотрен.

Но: содержание плюс песнопевец – и уже чуть-чуть мы ближе к Гомеру...

Может, не прав я, но стал замечать... Мы перестаём рассказывать – от себя. Пересказывать перестаём – вообще – что бы то ни было. Мне, семилетнему, двоюродная сестра пересказывала «Трёх мушкетёров» – мы гуляли по улочкам посёлка Сиверский, и она, старше меня на пять лет, увлечённо, почти взахлёб, рассказывала всю эту длинную историю, начиная с появления д'Артаньяна в Париже. И я был увлечён не меньше её – её увлечённость мне передавалась. Потом, в классе, наверное, пятом, я прочитал роман – да, с увлечением, но вот с позиции прожитых лет – если сравнивать «увлечённости», – то та моя «сиверская» гораздо сильнее, гораздо ярче была... Или вот. Лет в четырнадцать довелось услышать: делился один человек впечатлениями от закрытого просмотра в Доме кино – при мне пересказывал фильм Кубрика (в прокате у нас Кубрик не шёл), а я слушал и словно сам на экран смотрел, – потом пересказывал сверстникам фильм увлечённо, с деталями – и от себя тоже: как сам видел, – и кажется, тоже других увлекал. (Забавно, как Кубрик становился фольклором!..) Те же страшные истории в пионерском лагере после отбоя!.. Сложно представить число звеньев в цепях передач этих страшилок... Цепи оборвались? Дети и считалок, похоже, не знают. А мы, взрослые, даже анекдоты рассказывать перестали...

Нужна фигура сказителя.

Вообразим теперь, что «Илиада» не зафиксирована письменно и что машина времени забросила нас в гомеровские времена, одновременно скорректировав наш менталитет в пользу адекватности с учётом эпохи, и мы – кто бы ждал от нас этого? – счастливые слушатели песен о Трое (круглые глаза, разинутые рты...) – восторг! А теперь вернулись, переполненные впечатлениями. И нам хочется поделиться услышанным...

Или вообразим, что традиции тех песнопевцев сохранились до наших дней, и мы – пускай с поправкой на «испорченный телефон» – традиций тех продолжатели. И хочется петь...

Иными словами – нам и флаг в руки.

Петь мы не умеем, но хотя бы пересказать!..

Не важно, что это – рассказ или под звуки как бы кифары нечто. Главное – увлечённо!

Так послы Агамемнона, посетившие в недобрый час Ахилла, застают героя за пением под ясные звуки форминги: он поёт – у себя для себя. И для Патрокла. Тот рядом. Про битвы, про подвиги. Что другие сложили. Но поёт по-своему. Как и должен сказитель. Хотя какой из него сказитель? Он другим знаменит.

Современный условный сказитель может надеяться на снисхождение. Современный сказитель может быть неуклюж.

Обозначив фигуру сказителя, наделим его способностью увлекаться. Но в меру. Должен уметь сокращать. Хорошо бы ему самому удивляться, когда удивителен текст. От дешёвых открытий воздержится пусть. Отсутствие в «Илиаде» троянского коня пусть переживает спокойно – как факт. Пусть не боится собственных эмоций. Разрешим ему отступления (так лучше для нас). Постараемся ему доверять: его намерения добросовестны. А он, со своей стороны, пусть говорит своим языком. Мы любим короткие фразы.

И пусть, когда надо ему, чужими глазами – глазами героев – на события смотрит... Вот какой-то он будет такой, этот условный сказитель. Персонаж в маске.

Так получилось, что сначала я пересказал «Одиссею».

Тому выступлению был началом зачин:

«Не пора ли нам, братья, пересказать “Одиссею”?

Не растекаясь мыслью по древу. Соблюдая известный порядок. Избегая, если удастся, сумбура. Собственного воображения ничуть не страшась.

Представляя, как было.

Своими словами.

Для начала по примеру Гомера поприветствуем Музу. Но конечно, по-своему (Муза-то наша):

– Муза, Муза! Будь снисходительна к нам, неумехам, невеждам. Мы тебе доверяем. Веди!...»

То же самое всё. Если здесь вместо «Одиссею» написать «Илиаду», то и получится: что хотел бы сказать сейчас.

Не пора ли нам, братья, пересказать «Илиаду»?

Если так, то пора.

Илиада

*Гнев Ахилла воспет задолго до нас.
Воспевать что бы то ни было – не наша задача.
Тише, тише... Спокойнее...
Времени много прошло.
Однако – вперёд!*

Троянская язва

Будем держаться Гомера?

Вот и первая сцена: трупы, трупы повсюду лежат.

Но – спокойствие!.. Тише, разумнее... так мы решили...

Пой, богиня...

С призыва к богине Гомер начинает...

«Илиада» (между нами) во многом – вообще про богов.

Вот и первая, эта: не кто-нибудь – Муза.

Безупречная – как никто больше.

К остальным богам в этой славной истории много вопросов. Кто хитрит, кто падок на каверзы, кто рад доносить – выше некуда – Зевсу... Мстительны, жестоки, коварны бывают. Да и Зевс, он тоже хорош... иногда. С другой стороны, если будут кому помогать, тому поздравления наши – за признание заслуг, да и просто: смертному, значит, везёт. И напротив, наши сочувствия, если кому-то случится недоброжелатель среди олимпийцев. Хоть и бессмертны они, но всё человеческое им тоже присуще. Разве что пища другая. Амброзия и нектар. Питались бы мы так и тоже, быть может, бессмертными стали (это только гипотеза). Любим ещё запах дыма костров – разумеется, жертвенных. Тут всё по-честному. Бёдра животных вместе с жиром предаются огню – это им; пусть вдыхают священный свой дым, остальное – пища людская, тем, кто приносит жертву богам. Единит это смертных с бессмертными. Ощущение пира. Короче, не нам их судить.

А вот Гомеровой Музе – безусловное наше спасибо. За то, что богиня призыву охотно вняла. Прямому призыву сказителя. Впрочем, что ей до нас? Мы всего лишь его робкая тень.

...Только прежде гнева Ахилла, обещанного песнопевцем, встретит нас гнев другой, куда более страшный – гнев Аполлона.

Аполлон, бог-олимпиец. И это только начало. И в самом начале – всюду трупы лежат.

Нет, не поле здесь битвы, здесь берег, военный лагерь ахейцев – он огромен, великое множество кораблей, извлечённых на сушу, на камнях подпираются брёвнами, повсеместно шатры, шалаши – слово ёмкое: кущи; многие тысячи воинов, десятый год осаждающих Трою, им бы сейчас отдыхать без волнений, – но всюду трупы, и трупы, и новые трупы, и не гаснет огонь погребальных костров...

Это мор. И начало сказания. Только-только начало...

Но при чём же здесь Аполлон?

Так это дело его божественных рук. Всем известно: если внезапная смерть – значит, цель стрела поразила. А точнее: Аполлон бьёт по мужам, Артемида – сестра его – целится в женщин. Стрелы невидимы, скоропостижны...

(Забегая вперёд, отметим, что оба они в этой войне за троянцев.)

Аполлон десять дней развлекается тем, что сегодня называли б сафари. Беспощадно – не деля выбора – стрелял в кого подвернётся...

Понимают ахейцы, что это всё неспроста, что чем-то разгневали сребролукого бога на десятом году тяжелейшей войны. Обязательно надо узнать, за что наказание, а иначе не вымолить им у Аполлона прощения.

Старейшины собрались на совет.

В каждом войске есть предсказатели, на войне без них невозможно. У ахейцев лучший – Калхас, птицегадатель. Он знает.

Знает, но боится сказать.

Ахилл (вот и он) обещает защиту ему. Пусть при всех говорит.

И что оказалось: Агамемнон, предводитель всего ахейского воинства, царь Микен, поднявший племена на войну, – он один причина наведённого мора. Наказание это ахейцем за то, что беспорочного Хриса, жреца Аполлона, оскорбил предводитель их войска.

Когда разорили Фивы, город в Троаде, состоялся обычный делёж добычи. Агамемнону досталась дочь Хриса. Отец, исполненный скорби, в лагерь к ахейцам пришёл – предлагал за пленницу выкуп. Богатый: золото, серебро... Знаком мольбы красный веночек шерстяной украшал его жреческий скипетр. Ахейцы-то богатый выкуп встретили с радостью – крик одобрения повсюду раздался; иное дело – сам Агамемнон. Он считал черноокою Хрисеиду законной наградой себе за одну из побед. Оскорбив – да ещё и с угрозами, прочь он прогнал злополучного старца. А тот, слёзы пролив, к Аполлону воззвал – просил отомстить за обиду. Взял серебряный лук Аполлон, в гнев себя приведя, спустился с Олимпа, подступил к тем кораблям и – что ему стоить? – лошаков поначалу, и мулов, и бездомных собак – фьить, фьить! (ну как – пристрелялся?) – а затем перешёл на людей: что ни выстрел, смертельная язва на теле. Вот что означает весь этот чудовищный мор.

(Медицина нашего дня эту язву называет сибирской... а лучше б её троянской назвали...)

Дело понятное всем, надо с Аполлоном мириться.

Агамемнон озлобился. Птицегадателю бросил грозный упрёк – только и способен ты на дурные известия!.. Калхас, похоже, к обидам готов – их сносит покорно. А ведь сам Аполлон его научил прорицать; больше того, утверждалось (не Гомером, другими), был он внуком самого Аполлона!

Но коль скоро так надо, Агамемнон согласен: он вернёт отцу его прекрасную дочь и гека-томбу для Аполлона, конечно, устроит, но надобно знать: лично для него это большая потеря. Хрисеиду он был готов законной жене предпочесть, в чём и признаётся публично. Моложе, станом стройнее, да и в домовитости превосходит она Клитемнестру. Она награда ему. А награды потерю следует возместить. Не оставаться же верховному без награды.

Как это? – не понимает Ахилл. Добычу уже поделили, нельзя же переделить поделённое. Будет тебе и тройная, и четверная награда, когда Зевс поможет и мы разорим Трою. Но после.

Нет, Агамемнон требует возмещения. Не надо лукавить, Ахилл. Я без награды, по-твоему, буду, а ты, значит, с наградой – неплохо придумал. Так не пойдёт. Не хотите взамен предложить равноценное, сам приду за добычей. И любой мне отдаст! Кем бы ты ни был! Будь ты хоть Одиссей, хоть Аякс, или хоть собой оставайся, Ахилл.

Вскипел Ахилл. (Тут следует предупредить о резкости выражений: хуже оскорбления собакой тогда не было...) Да кто ты такой, пёс? Чем я тебе обязан? Забираешь лучшее, а сам ты никто без меня! Это я города разоряю – для чего спрашивается? – чтобы ты обогащался, и только? Троянцы мне плохого не делали, скот не угоняли, земли не разоряли, нас разделяют горы, – ради чего я должен воевать против Трои? Ради спасения вашей чести семейной? Да я лучше домой поверну, псина ты мерзкая. Сука. Завтра же отплывают мои мирмидонцы!

...Ну и проваливай, без тебя обойдёмся. Убивать ты умеешь, только уже повернулся на этом. Ты мне и возместишь потерю. Отдашь свою награду, свою долю, свою Брисеиду!

Да уж... Такая ссора у них.

А что Аполлон? А ничего. Собрание врагов любезной его сердцу Трои беспокоило мало его, больше занимала стрельба по ним же невидимыми стрелами: мор – значит, мор. А вот кто наблюдал за ходом собрания точно, это Гера и Афина Паллада.

Гера, как известно, одновременно жена и сестра Зевса, а Афина, как известно, родилась у Зевса из головы. Родственные связи тут сложны, но определённо есть. И что главное в нашем случае – обе богини на стороне ахейцев.

Но!

Надо следить за Ахиллом. Уж очень горячий.

Сам он (вдруг кто не знает) сын богини – ни много ни мало. Сын богини и смертного, если точнее. Не бог. Но герой. Ему, между прочим, сам Гефест доспехи куёт...

Вот так-то: обвинил Ахилл – при всех – верховного вождя Агамемнона в том, что навлѣк язву на войско, а теперь объявляет верховный, что людей пошлѣт – забрать Брисеиду, наложницу самого Ахилла...

Тут и пришѣл в ярость Ахилл.

Тут исток его великого гнева.

Тут и самой Илиады – начало.

Песнь о том, как Ахилл, царь Фтии, вождь мирмидонцев, с Агамемноном, царем Микен, поспорился.

Выхватил меч...

Но Гера, она начеку: немедленно посылает Афину на землю.

Вот – незримо, только зримая для него – явилась Афина Ахиллу.

Боги не любят светиться в нашем понимании слова – увидеть их может лишь тот, кому они сами хотят показаться.

Хвать его за кудрявые волосы; стой!

...О богиня! Ты с Олимпа спустилась посмотреть, как царь Агамемнон ведѣт себя недостойно?

...Нет, Афина ему отвечает. Умерь свой гнев, ратоборец. Тише, тише, дружок...

Короче, смирись.

...Мечом не надо размахивать. Ты словами, словами его... ты умеешь...

Вот он и выразил гнев своей словами – сам (без помощи Музы).

А потом ушѣл к своему кораблю – и Патрокл вместе с ним, лучший друг. И все ушли мирмидонцы к своим кораблям...

Агамемнон прислал двух послов за его Брисеидой. Отдал. Но велел передать, что желает поражения союзному войску ахейцев. Он не будет отныне сражаться за них. Как умеют – пусть без него.

День спустя страшный мор прекратился. Не потому, что боги собирались покинуть Олимп и отбыть на двенадцать дней к эфиопам. Потому – что к Аполлону снова воззвал жрец его храма, беспорочный Хрис, – благодарил и просил в этот раз пощады ахейцам. Дочь ему возвратили – с дарами – уважили старца! Корабль приплыл, сам Одиссей возглавил посольство. Тельцов привезли – с расчѣтом свершить гекатомбу. И точно: свершили! Аполлон жертву принял – ублаготворѣнный. Пир удался. Все ликовали ахейцы. Было всем хорошо. Было всем хорошо.

Кроме, пожалуй, Ахилла.

Итак, мать Ахилла – морская богиня Фетида, одна из пятидесяти nereид, дочерей старца морского Нерея, бога морской глубины.

С тех пор как покинула смертного мужа, проживает в пучине морской, у отца.

Сына слышится зов ей, он дошѣл до водных глубин. Донный грот покидает Фетида и являет себя среди волн перед сыном, перед могучим Ахиллом, обратившим мольбы к ней с утѣса.

Захотел он ходатайства с еѣ стороны перед Зевсом. Не шутка.

Слышит Фетида плач оскорблѣнного сына.

Матерь! Знаешь сама всё обо мне, нет ничего, что б тебе не открылось...

Знает не знает, а между тем говорит он ей, говорит, говорит – повествует историю своего унижения...

Слышит Фетида, как брали Фивы они (местные – Гипоплакийские, а не те, что в Египте, и не те, что в Греции), как досталась Агамемнону законная доля – дочь Хриса, жреца, и всю

историю слышит про выкуп. У Ахилла доля своя, и бесценна она – Брисеида. А теперь у него отобрали...

Жалуется Ахилл, просит помочь.

Напоминает матери, что Зевс у неё в должниках, вправе она к нему обратиться.

Она и сама об этом помнит, конечно.

С громовержцем у неё особые отношения. Зевс ей обязан властью своей, больше того – спасением. Как-то затеяли боги заговор против Зевса, причём ближайшие родственники – Гера да Посейдон, третьим Ахилл называет Афину, но тут комментаторы поправляют Гомера: нет, Аполлон. В общем, они оковали спящего Зевса. И отобрали у него молнию. Переворот на Олимпе был бы удачным, если бы не скромная тихая Фетида. Она позвала сторукого великана, он освободил Зевса и сел рядом с ним посидеть, одним только видом перепугав мятежных родственников громовержца. Власть возвратилась к Зевсу. Помирились в итоге.

Огорчает Фетиду одно обстоятельство.

Могла бы Фетида так рассказать.

...Горе лежит на моём сердце. Правильно ль это? Мать бессмертна, а сын её – смертен. Жизнь человека и без того коротка, а у сына моего – вообще из кратчайших. Скорая предсказана гибель ему. Сам сделал выбор. Ведь было предложено как? Или ранняя гибель, но в лучах беспримерной славы, или долгая жизнь, но тихая и бесславная. Троя, конечно, падёт. А моему не пережить Трою. Рассказывают про детей моих от смертного мужа, будто я новорождённых не то в огонь погружала, не то в кипяток окунала – и все для того, чтобы на бессмертие испытать, и будто бы все опыты мои неудачными были. Пусть говорят. Ахилл мой седьмой, последний ребёнок. Водами Стикса заклят, а что толку? И зачем тогда спрашивать про ту несчастную пятку, если и так всем известно? Человеку жизнь прожить, что бессмертному глазами моргнуть. Было ли, не было ли... Не по правде всё это устроено.

Фетида

Прошло двенадцать дней, как Ахилл повстречался с матерью. Боги, гостившие в стране эфиопов, наконец вернулись к себе на Олимп. Рано утром Фетиде представился случай – Зевс один восседал на вершине, вспоминая пир с беспечальными, всегда счастливыми эфиопами, тут она и вознеслась к нему из морской бездны и села у ног. Левой рукой в знак мольбы обняла Зевсу колени, а правой коснулась его бороды. Рассказала о позоре, постигшем сына, и просила наказать ахейцев за то, что отняли у Ахилла награду, – пусть одолевать их троянцы начнут. Пусть знают, как и кого обижать.

Зевс её выслушал молча. Ответил не сразу.

У Гомера этого нет, но история общеизвестная. Было время, Зевс увлёкся Фетидой. Помешало ему предсказание: сын, который у Фетиды родится, будет гораздо сильнее отца. Громовержец мигом страсть свою обуздал (то же самое относится к Посейдону). А Фетиду Зевс решил выдать за смертного. За своего внука – царя Пелея, владыку Фтии. От этого брака и родился Ахилл...

Зевс ответил не сразу, но всё же ответил, подумав.

...Видишь ли, Фетида, дать перевес троянцам мне ничего не стоит, но есть одно обстоятельство – Гера. Ты же знаешь, как она ненавидит Трою. Опять начнёт меня упрекать, что помогаю не тем. Боюсь, как бы она не проведала, что ты ко мне приходишь... Разговоры потом пойдут. Ты уходи, уходи. А я тебя, Фетида, услышал. Ты уходи. Сделаю.

И тут он головой помавал.

Когда мы киваем, смертные, это значит у нас, что мы соглашаемся.

А Зевс не кивает – он помавает.

Если он главой помавал – это значит: закон и клятва. Это значит: быть по сему.

А он не только главой помавал, он ещё помавал бровями.

Точно! Быть посему.

Фетида мигом низринулась к себе в пучину морскую.

Боги ждали Зевса, предвкушая начало нового пира, и, когда царь богов вошёл в чертог, все, приветствуя его, поднялись со своих престолов. Зевс занял трон.

...А с кем ты там беседовал? – спросила Гера. Сдаётся мне, что-то хочешь скрыть от меня.

...Видишь ли, Гера, есть вещи, которые лучше не знать. Это неблагоприличные вещи. Разве ты не первая узнаёшь обо всём, о чём знать, в общем-то, благопристойно? И всё же будь скромнее, не на всякое знание распространяется вседозволенность.

...Что я слышу? Владыка и повелитель играет словами!.. И это после того, как тайно от меня встречался с той нереидой? Уж не потому ли, что её сын обесславлен и не хочет сражаться? Ну конечно, ещё бы! Просит, чтобы троянцам помог!.. А мой-то, а мой... он главой помавает!..

Хмурится Зевс.

...Так. Прекрасно, прекрасно. По части соглядатайства за мною ты само совершенство. Так вот, давай прекратим. А то моя рука тяжела. Как бы кому-то потом жалеть не пришлось...

Гера примолкла. К ней Гефест подошёл и протянул кубок.

...Мать, будь покорна отцу. Разве не видишь – спорить с ним бесполезно? Можно нарваться... Помнишь, как он меня скинул с небес?.. Я всего лишь хотел за тебя заступиться... Лучше испей. Нектар пить веселее.

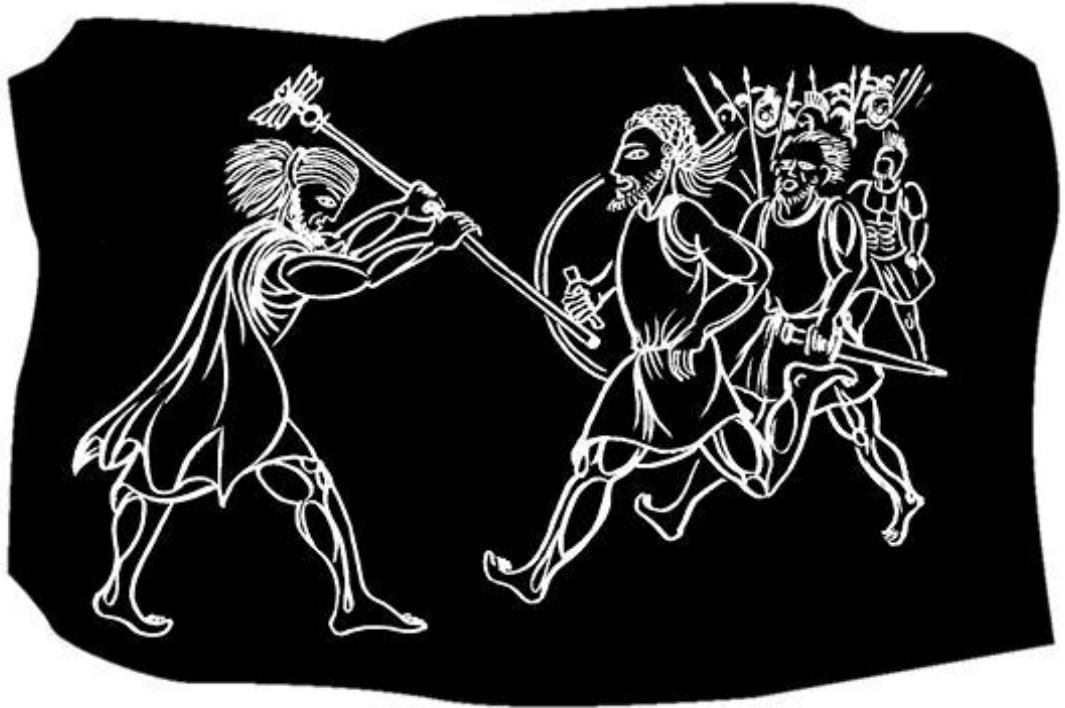
Мать с улыбкой кубок взяла.

Он и других богов обносил, как положено – справа.

Пировали до ночи.

Потом разбрелись по чертогам, которые Гефест построил богам – сам, соразмерно с собственным вкусом.

Зевс и Гера вместе на одре почивали.

Сон Агамемнона. Испытание войска

Этой ночью, когда спали все – и бессмертные боги, и люди, – бодрствовал только Зевс. Не до сна ему было. Думал он, как отомстить за Ахилла было бы лучше. Как бы навредить войску ахейцев, если сам оскорблённый Ахилл того захотел. Обещание Фетиде как бы лучше исполнить... Но в известных пределах...

И чтобы Гера не знала...

Придумал.

Есть божество такое, нам мало понятное, называется Сон, или – что то же – Онирос. Сын Ночи, брат Гипноса, но только не сам Гипнос. Проявляет себя в ложных и вещих сновидениях, обретая те или иные образы.

Призвал его Зевс и повелел ему быть обманчивым, ложным.

...Ложный Сон, будь вредоносным, устремись в стан ахейцев, явись Агамемнону, разлейся над ним, пусть он узнает мою мнимую волю – будто решил я победу ахейцам отдать. Будто бы все на Олимпе, преодолев разногласия, вынести смертный хотим приговор злосчастным троянцам. Пусть собирает народ и смело на Трою ведёт, теперь она ему покорится, пусть будет уверен в победе!

Сон, Зевсу послушный, будучи ложным, помчался к ахейцам, к их кораблям, прозябавшим на суше.

Сон, овладев предводителем войска ахейцев, образ Нестора ловко обрёл – старца, которого чтит больше других Агамемнон-сновидец.

Всё, что Зевс приказал передать, ложный Сон излагает устами могучего старца. И передав – отлетает.

Сон обманчивый, ложный обернулся как бы правдивым, многорадостным, светлым – таким и помыслился Агамемнону, когда, пробудившись, открыл он глаза.

Вот Эос, она же богиня Заря, взошла на Олимп, предвещая богам светлое утро.

Агамемнон велит глашатаям созывать незамедлительно народ, сколько есть тут ахейцев.

Но прежде – совет старейшин: собираются вожди подле корабля старца Нестора. Тихо ликуя, весть они узнают о неминувости гибели Трои.

Нестору странно, что он герой сна предводителя воинства и что знает в том сне, о чём наяву не решится подумать. Выслушав, так говорит.

...Кто бы другой возвестил нам о сне столь победном, да ещё про меня, не было б веры такому, но это приснилось главнейшему, стало быть – правда. Други! Наш долг – народ вдохновить на последнюю битву!

А тем временем Осса, богиня молвы, вестница Зевса, возбуждает ахейцев.

Роятся как пчёлы, что покидают пещеру.

Агамемнон хитрость замыслил. Хочет испытать своё усталое войско, проверить готовность его. Он расскажет народу о мнимом решении Зевса, будто велит громовержец ахейцам неприступную Трою оставить, ибо взять её всё равно невозможно. Скажет: угодно богам, чтобы ахейцы бесславно бежали отсюда. Дерево их кораблей, скажет он, загнивает, на родине жёны скучают, дети растут, не зная отцов... Время – домой.

Так и сказал... Посмотреть хотел, что получится.

А то получилось, что ахейцы как раз и желали это услышать. Вопли радости потрясли стан их. В одно мгновение войско распалось на толпы, все бросились к кораблям.

Две великие богини – Гера и Афина Паллада – смотрят на это с Олимпа.

Гера – ненавистница Трои – не верит глазам.

...Что происходит? Что происходит с доблестной ратью ахейцев? От кораблей уже убивают опоры, рвы уже расчищают, ведущие к морю... Бегут? Так вот легко на радость троянцам

лишают победы себя? Так легко предают славу погибших своих побратимов?... Девять лет отдав ни за что?... О, любимая дочь громовержца! (Гера – Афине.) Мчись! Исправляй! Останови это бегство!

Афина преодолела пространство мгновенно.

Перед ней Одиссей; мрачно взирает он на бегущих соратников, спешащих занимать корабли.

Зажигательной речью его побуждает богиня ревностно действовать (нет пользы неподвижно стоять). Голос богини узнав, Одиссей духом воспрянул.

Агамемнон по-прежнему опирался на скипетр, доставшийся от богов, сам Гефест его изготовил когда-то; только что толку, когда люди в метаниях не замечают вождя вождей? Одиссей к нему устремился, взял у него из рук этот знак власти. И воспламенённый Афиной ринулся со скипетром в гущу толпы.

Увещевал. Громко стыдил. Самых буйных скипетром бил по спине.

Требовал подчинения единоначалию.

Воевод останавливал, убеждал успокоиться и успокоить своих подчинённых.

Потом, если кто вспоминал этот день, каждый в войске уверен был, что с ним Одиссей разговаривал лично.

Был некто Терсит, хромоногий плешивый косоглазый горбун, вечно злой на язык – последний из умиротворяемых. Он и сам не заметил, что кричит один уже – в стремительно наступающей тишине, – по-прежнему к бегству зовёт и поносит царей. Одиссей возражал ему короткой речью, а когда взвыл Терсит, угощённый скипетром по спине, народ, было притихший, разразился хохотом.

Говорили друг другу, что многими делами и подвигами славен Одиссей, но превзойдено им только что всё прежнее – заткнул рот балаболке, треплу, пустомеле. И хохотали.

Вот и конец испытанию войска.

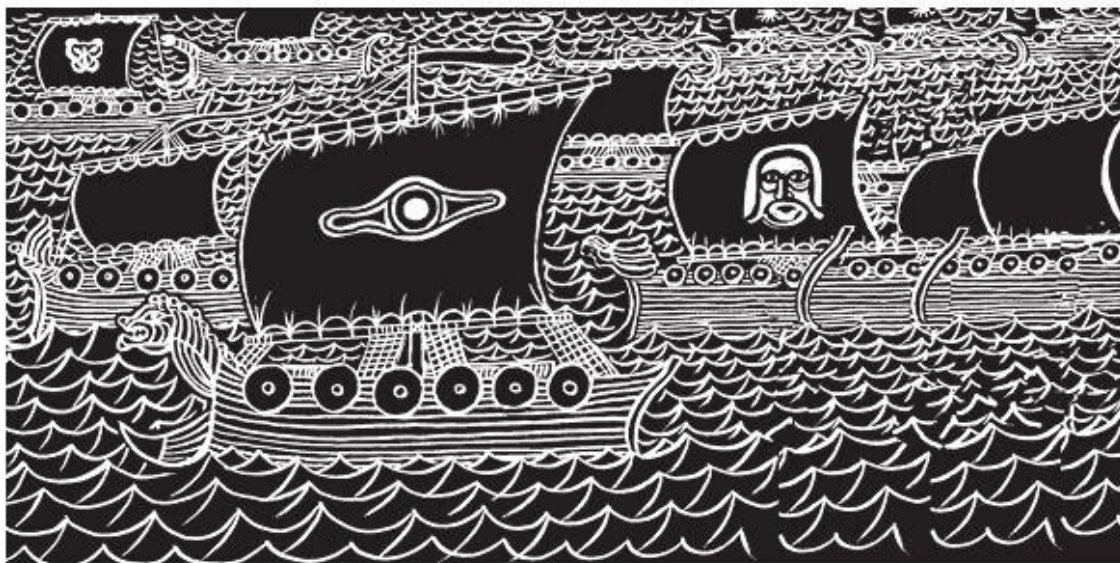
Одиссей, по-прежнему со скипетром в руке, готовился произнести слово. Рядом с ним возник неизвестный глашатай – а была то Афина, избравшая облик типичного вестника; закричала Афина-глашатай, как одни лишь они и умеют, провозгласители главного: тишинаааа!.. всем молчаааа!.. слушать всем царя Одиссея!.. Народ вмиг притихнул. И заговорил Одиссей.

Сначала он посочувствовал царю Агамемнону. Опозорить его решили ахейцы – забыли, как когда-то клялись не возвращаться домой без победы. Потом он их постыдил, Одиссей, всех этих мужей решительных и отважных, – сравнил с детворою и вдовами, хныкать готовыми, пусть только что-то будет не так. А после к терпению призвал. Девять лет уже здесь мы, осталось немного, скоро поймём – справедливо ли давнее Калхаса прорицание. Можно ли забыть, что случилось тогда в Беотии – на третий день общего сбора кораблей в Авлиде-порту. Все это помнят. Совершали гекатомбу богам, готовясь к походу. Клён там был высокий, тенистый, бил ключ из-под корня. И вдруг у всех на глазах – о, чудо! – из-под жертвенника явился страшный змей-дракон – красный и в пятнах, и он устремился на дерево, это видели все!.. Там за листьями скрывалось гнездо, восемь в нём птенцов притаилось, он их пожирал одного за другим... А рядом по воздуху птица-мать металась и ничем помочь не могла. Он её поймал за крыло и сожрал у нас на глазах – и это была девятая жертва... А далее он каменеет – мы, не зная, что думать, только таращим глаза, а Калхас, наш прорицатель, нам говорит: не надо бояться, это знак нам, – восемь птенцов и девятая птица – это годы войны; на десятый год великая Троя падёт под нашим мощным ударом. Вот, сказал Одиссей, девять лет мы уже здесь, недолго осталось, наша победа близка, скоро-скоро Илион будет разрушен!..

Закричали ахейцы, ликуя.

Нестор потом выступал. Говорил о задачах текущих. Призывал поделиться, как в прежние времена, по родам и племенам, чтобы храбрость была на виду – и вождей, и рядовых ратоборцев.

Вновь обрёл величественный вид Агамемнон, вождь верховный.
Ему возвращается скипетр.
Слово его столь же грозно, сколь и духоподъёмно.
Робким обещан позор, смелым – награда и слава.
Волны с шумом бьются о скалы – так вот и народ отозвался рёвом и гулом.
Скоро началось принесение жертв. Кто кому – многим и разным богам.
Агамемнон зарезал бычка-пятiletку. Готовый выступить незамедлительно, просил
Зевса допустить разорение Трои прямо сейчас – до темноты.
Жертву Зевс принимал, но на Трою у него были другие виды. Мог бы и сам догадаться
вождь верховный, что в решениях Зевса роль его пока не очень завидна. Трудоемкий успех, куда
проще потерпеть поражение.

Каталог кораблей

Перед тем как взяться за перечень кораблей, Гомер снова обращается к музам – и теперь не к одной, а ко всем сразу, – пусть напомнят вождей имена и сколько те судов привели через море в Трояду. Музы помнят о каждом, кто пошёл на войну, – только сказителю так много не надо от их божественной памяти – всего не споёшь, обо всём не расскажешь. Нельзя перечислить всего, хоть десять глоток имей и десятью языками ворочай (так примерно Гомер говорит).

Вот и нам бы к музам воззвать – по примеру Гомера. Рассказали бы нам об этом загадочном списке: действительно ли каталог кораблей – это поздняя вставка (как иные считают) или, напротив, ключ ко всей «Илиаде», её важнейшая часть, обусловленная и композицией, и нагрузкой идейной...

Зачем Гомеру вспоминать многолетнюю давность – как покидала флотилия Авлиду, порт беотийский? Явная вставка, иные считают. Подождите, но ведь только что Одиссей у Гомера вспоминал о тогдашнем чуде с драконом, тогда в Авлиду стягивались корабли. Почему бы Гомеру не продолжить рассказ на беотийскую тему?.. И царь Нестор, он только что ахейцев призвал разделить по племенам и коленам и, послушно призывам вождей, скорее на Троию пойти. И вот они идут по долине, сверкая медью лат, так что блики отражаются в тучах, а позади стан остаётся, и на песке там больше тысячи... на которых... приплыли когда-то... Их каталог (каталог кораблей) это ж как бы воинский смотр – именно этого огромного войска – пешего и колесничного. И чем этот смотр неуместен?

Музы, ау!

Но не надо, мы сами.

По правде сказать, лучше им отвернуться.

Да простят они нас за выжимки эти.

Мы немногих отметим. Чуть-чуть.

Начнём с беотийцев (эту песнь называют обычно «Беотия» – здесь, в Беотии, корабли собирались). Вот и Гомер беотийцами открыл каталог. Имена вождей говорят нам немного, но всё же: Аркесилай, Леит, Пенелей, Профоемор, Клоний. Список местностей и городов, которые они представляют, сам по себе замечателен: каталог в каталоге. От них пришло пятьдесят кораблей, в каждом – сто двадцать мужей беотийских.

Назовём Аскалафа и Иялмена, они возглавляли минийцев, столица чья Орхомен (Шлиман копать здесь начнёт), оба сыновья, страшно сказать, самого Ареса, бога войны (от Астиохи). Первый будет под Троей убит (увидим ещё). Отец между тем защищает троянцев, бессмертный.

Тридцать кораблей привели.

Назовём Аякса, Оилеева сына, – с ним эвбейские локры. Герой в полотняном панцире, многослойном. Не столь могуч он, как Аякс, сын Теламона, но нет ему равных в схватках с копьём. Сорок привёл кораблей.

Назовём Элефенора – за то, что абанты, он которых привёл, бились, не выпуская копий из рук, и головы брили, оставляя лишь вихор на затылке. Представим – сорок ладей таких молодцов.

Назовём Менесфея – хотя бы за то, что он царь афинский. В этом месте красиво об Афинах поётся (а вот такой каталог!...). Кто-нибудь не любит Афины?.. Пятьдесят привёл кораблей.

Назовём Аякса Теламонида, уже упомянут который. Великий герой. Воплощение мощи. Вождь саламинцев. Привёл двенадцать судов.

Назовем Диомеда. Герой – ещё себя он покажет!.. Боги будут его опасаться... Аргоса царь. У него под началом другие вожди. Всего восемьдесят кораблей.

Назовём самого Агамемнона. Владыка Микен. А также Корнифа, Клеон и других городов. Предводитель всего ахейского войска. Больше всех привёл – сто кораблей.

(А всего, кстати сказать, ахейский флот наберёт – уже сосчитали, просто слагая, – одна тысяча сто восемьдесят шесть кораблей...)

Назовём брата его – царя Менелая, владыку Спарты. Полон решимости он отмстить за Елену: её похищение – причина Троянской войны. Шестьдесят кораблей.

Назовём царя Нестора, правителя Пилоса. Укротитель коней. Старец, его советы мудры. Кораблей – девяносто.

Назовём Одиссея. Царь не только Итаки, но и Кефаллии тоже. В полном перечне его кораблям отводится срединное место. Не всякий читатель список дальше осилит. Двенадцать привёл кораблей.

Но мы продолжим – назовём царя этолийцев Фоаса. Привёл он сорок судов.

Назовём Идоменея, правителя Крита. Славный герой. Восемьдесят привёл кораблей.

Ахилла, наконец, назовём. Среди ахейцев – сильнейший. Вождь мирмидонцев. Ныне бездействует, заставляя скучать мирмидонское воинство в стане общеахейском на своих кораблях. А всего таковых пятьдесят.

Протесилая назовём. Царь Филадельфии. Мёртв давно, первым погиб на берегу Трояды. Потому что первым прыгнул на берег, хотя знал предсказание – первый сразу погибнет (а может, не знал?). Но сорок привёл кораблей.

Назовём Филоктета, царя Мелибеи. Хотя корабли пришли без него. Он остался на Лемносе – сказала гниющая рана (гидры укус). Однако потом его заберут всё же в Трою (он владел луком Геракла, без которого, по предсказанию, Трою не взять (впрочем, это Софокл...)).

Семь кораблей от него.

Назовём Подалирия и Махаона, знаменитых врачей, сыновей Асклепия. Привели тридцать кораблей с воинами из трёх городов Фессалии.

Назовём Еврипила. Царь Ормении. Сорок привёл кораблей.

Таков беглый, даже пунктирный известный песни обзор в части её, отвечающей каталогу. А как же троянцы?

Выдвижение сил ахейцев застало троянцев на их совещании. Собрались напротив дома царя. Воеводы дела обсуждали. Вдруг раздаётся голос Полита, сына царя Приама, только более внушительный, чем обычно, и более громкий. А это потому, что богиня-вестница Ирида заговорила его голосом. Полит был в дозоре, туда его отправили за быстрые ноги, но срочность сообщения требовала божественного вмешательства – человеческие ноги могут и подвести. Так вот, возвестил голос, что наступают ахейцы, и число ратей их велико. Не надо собраний, надо вооружаться. Срочно всем – и троянцам, и их союзникам – пора дать встречный бой!

И вот открываются ворота, и вооружённые троянцы покидают город.

В поле около кургана это войско делится на две части. Собственно троянцы, возглавляемые Гектором, и отряды союзных сил в равной мере готовятся к бою.

Вот краткий, весьма приблизительный обзор известного каталога, дающего представление о войске ахейцев.

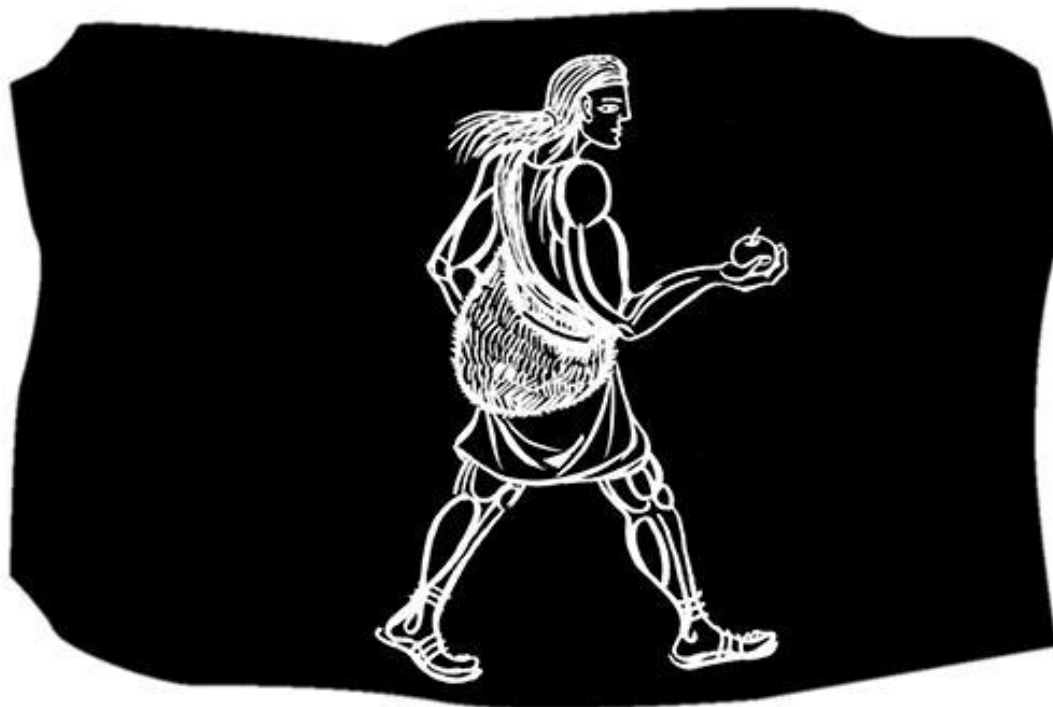
В песне, дошедшей до нас, общетроянские силы также представлены списком.

Более скромным.

(Списком – не войском.)

Итак, главенствовал Гектор.

А вот кое-кто из союзников Трои.
Отметим героя Энея. Сын Афродиты, родила от Анхиза (из рода дарданов).
Пандар, лучник неподражаемый. Сам Аполлон то ли лук ему подарил, то ли уроки стрельбы преподавал, то ли и то и другое.
Асий, царь далёкой Арисбы.
Гиппофоой, предводитель пеласгов.
Акамант вместе с Пиромом привели фракийцев под Трою.
Царь Сарпедон (сын всемогущего Зевса) привёл ликийцев. Также Главк их возглавлял.
Иными словами, оба войска сходились.

Отступление в духе вступления

Коль скоро заговорили о поздних вставках в текст «Илиады», не уместно ли нам самим разрешить себе отступление?

В песнях, дошедших до нас, ничего не поётся, о чём и без того всем было известно, – о причинах войны. О её предпосылках...

У Гомера этого нет, кроме одного глухого намёка (ближе к концу).

Нет в «Илиаде», но было в «Киприях», только «Киприи» эти утрачены – сохранился синопсис и полсотни строк. Псевдо-Аполлодор – другой важнейший источник. «Мифологическая библиотека» есть у него, а вот был ли он сам? – был, разумеется, но отчасти в мифологическом смысле: думали, Аполлодор, известный грамматик, обширный труд написал, а потом сам себя и пересказал кратко, оно и сохранилось, на радость нашу, в пересказе хотя бы, – ан нет, говорят, другой Аполлодор пересказывал, мало ли в Греции Аполлодоров?.. Стало быть – Псевдо-

Всё это вкривь и вкось перепето, – и раскрашено, и расцвечено. И в роскошных рамках в музеях висит... Мы и сами осведомлены о событии. Спроси – ребёнок ответит. Яблоко раздора... Суд Париса...

И всё же, не к месту ли будет два слова сказать – для полноты-то картины? А то как же без этого?

Пойдём в обратную сторону.

Про что война?

Если касаться внешней стороны событий, то так... Парис, он же Александр (другое имя), сын троянского царя Приама, у царя Спарты Менелая жену Елену украл. Да ещё прихватил вдобавок сокровищ. Вот и пришли ахейцы своё возвращать. Хотят наказать Трои.

Как же он смог жену у царя чужого украсть?

Воспользовался гостеприимством. Приехал в гости, принимался с почётом, Менелай, однако, был вынужден отлучиться на Крит, у него дед умер. А этот и рад стараться.

А что же Елена?

Любовь, любовь... Хотя есть разные мнения.

Не слишком ли дерзкий поступок?

Слишком дерзкий. О том и речь. Сам бы он не пошёл на такое, но тут помогла Афродита. Это она ему пообещала прекраснейшую из смертных женщин.

С какой стати?

Благодарность за позицию в принципиальном споре. Из трех богинь – Геры, Афины и Афродиты – он выбрал третью. Третью – первой. Гера сулила власть, Афина – воинскую славу, Афродита – лучшую женщину. Ей он и присудил золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Иными словами, разрешил давний спор.

А кто он такой, чтобы судить богинь?

На тот момент был пастухом.

Сын царя?

Обычная история. Рождение, отягощённое плохим предсказанием. Младенца отдают рабу, чтобы снёс он в горы диким зверям. Приказ не исполнен. Подобран пастухом. Им же воспитан. Вырос. Защитил пастухов от разбойников, за что получил имя Александр – «защитник мужей». Красавец. Кому, как не ему, судить богинь? Сами того захотели. Потом его опознали родители: когда победил в играх, до которых был допущен. К великой их радости и к великим несчастьям Трои, возвращается в царскую семью. Похищение чужой жены совершает, уже будучи царевичем. Кстати, Гектор, старший брат, был недоволен этим поступком.

А что же Гера и Афина, как они перенесли суд Париса?

Тяжело. В гнев пришли. А как же иначе? А после авантюры с Еленой возненавидели Троию.

А Менелай?

И Менелай, разумеется. Да и вся Эллада. Тут надо учесть одно обстоятельство. К Елене в своё время сваталось множество женихов. Дабы не приобрести в лице отвергнутых могучих врагов, её отец, прежде чем Елена сделала выбор, связал претендентов клятвой – всем вместе, будет беда, вставать на защиту избранника, кого бы ни избрала Елена. Это и помогло Агамемнону, старшему брату Менелая, собрать огромное войско.

А правда ли, что Парис привёз в Троию не настоящую Елену, а призрак, сотворённый богами, а настоящую Елену они переместили в другое место?

В Египет. Этим будто бы озаботилась Гера... Да, есть версия. Её придерживался Еврипид – в трагедии «Елена» Парис у него увозит в Троию эфирную копию жены Менелая, созданную Герой, а сама Елена, оригинальная, живая, перемещена богиней в Египет, там она несколько лет ждёт не дожждётся законного мужа. Но тогда нам следует допустить, что вся Троянская война велась ради эфемерного заменителя Елены, причём Парис не замечал подмены. Ничего подобного у Гомера нет. А мы придерживаемся Гомера.

Значит, всё как всегда из-за женщин – у богов из-за каверзы Афродиты, у смертных – из-за Елены?

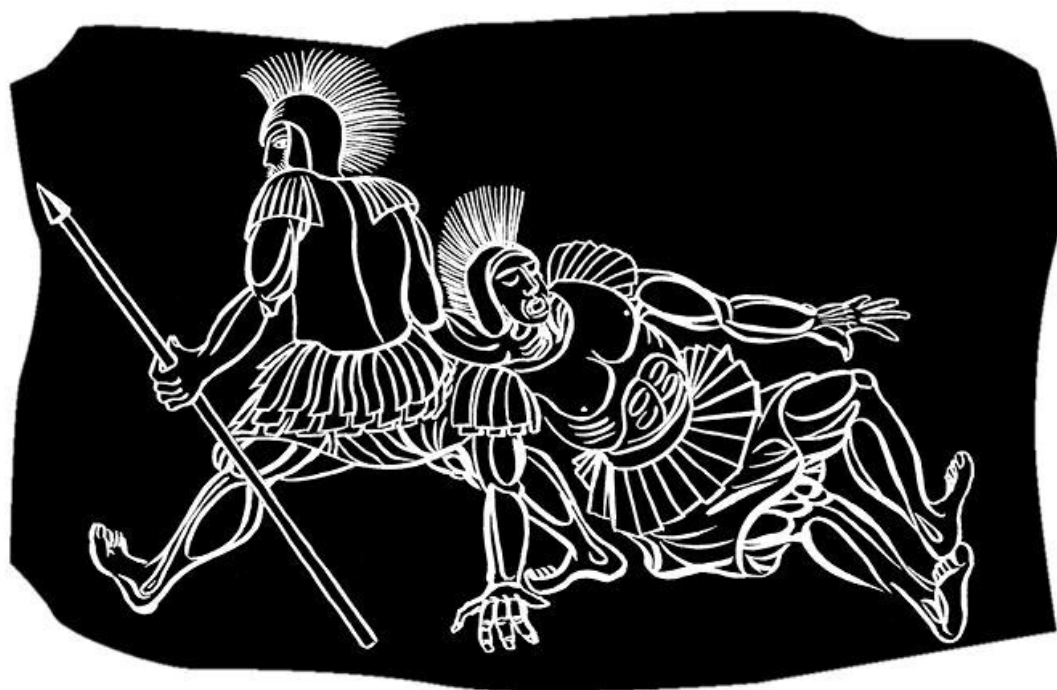
Если так рассуждать, надо добавить, по меньшей мере, Эриду, богиню распри. Это она подбросила на свадебном пиру то самое «яблоко раздора».

Что за свадьба была?

Будущих родителей Ахилла. Дело прошлое. Пелей женился на Фетиде – то есть смертный на бессмертной. Большой пир богов был. Одна Эрида осталась не приглашённой. Вот она и подбросила это злополучное яблоко с надписью «Прекраснейшей». Сразу же объявились три претендентки. Зевс благоразумно судить отказался. Назначили судью далеко за морем – в Троаде. Им и стал Парис. Пастух-красавец (в нём ещё не был распознан царевич). Ну а дальше – происки Афродиты. Похищение Елены и война.

Так просто начинаются войны?

Есть мнение, что это внешняя сторона событий. Истинная причина глубже. Мать-земля устала, Гея. Не может она больше переносить человечество. То ли за полубогов стало тревожно, дурно на них обычные люди влияют, – примерно о том у Гесиода, – то ли вообще человечество жить недостойно, – начало «Киприй» как раз об этом – целых семь строк (из 52, вообще оставшихся от поэмы). Гея к Зевсу взывала, молила принять решение. Вот он и принял. Необходима война. В начале «Илиады» есть формула «свершалась Зевсова воля» – неважно, что она касается частного обострения – гнева Ахилла, – особую зловещность ей придаёт, замечают грамматик, дословное совпадение со сказанным в «Киприи», там-то говорится-поётся о самоистреблении рода людского. О том же бегло сообщает Псевдо-Аполлодор, ссылаясь на мнение неопределённых «некоторых». Есть и другие источники. Так что давно замечено: у Зевса могли быть причины. И могли быть причины эти причины скрывать. А почему бы и нет? Зевс на такое способен. Иные даже считают, что он Елену нарочно родил, чтобы осуществить эту затею с большой войной. В это, пожалуй, нам трудно поверить... Но в остальном... Сам затеял сложную комбинацию, сам всё подстроил. Вполне может быть. Похоже на правду.

Клятвы. Елена. Бой Менелая с Парисом

Журавли с карликами воюют. Когда, прилетев на войну за Океан-реку, воинственные журавли низвергаются с неба на них, на пигмеев, они издают чудовищный крик – вот так неистово крича, шло в бой войско троянцев.

Напротив, ахейцы молча шли на сближение.

Оба воинства остановились на расстоянии полёта стрелы.

Неожиданно из рядов троянцев подался вперёд Парис: лук за плечом, меч на ремне, на плечах шкура пантеры, в руках два копья.

Кто не боится со мной состязаться? Есть ли такой? Выходи!

Вышел. И тот, кто вышел, был Менелай.

Тут же Парис убрался за спины своих.

Войско троянцев дрогнуло.

С гневом Гектор воззвал к младшему брату. – Ты, овладевший женой Менелая, что ж ты сбежал от него, отказался от боя? Мести боишься? И зачем тогда вызывал? Перестал надеяться на Афродиту? Уже не хочет помочь? Покрасуйся ещё в шкуре пантеры, копьём помаши, ей это по нраву. Лучше б ты не родился, ты всех нас опозорил!

Но Парис уже отдышался – и духом воспрянул. Он готов. Он чувствует силы в себе. Он сразится, и он победит. Все ли видят, как он решителен, смел?! Храбрость бьёт через край! – Гектор, брат, как бы ни был ты прав, не надо попрекать помощью богов, смертным не дано понимать их пристрастия. Я сражусь с Менелаем! Объяви громогласно, что я предлагаю ахейцам кровавую брань многотысячных войск заместить нашим боем один на один! Мы победим, то есть я, а стало быть – мы.

Сердце Гектора сильнее забилося, радость охватила его. Радость и гордость за брата.

Опустите луки! Не стрелять! – приказал Агамемнон: Гектор гордо приближался к ахейцам.

Остановился посреди поля и объявил о готовности к схватке Париса. Пусть этот бой один на один разрешит многолетнюю тяжбу народов. Довольно войны. Всё решит поединок!

Радость и тех и других была беспредельна.

Елена ткала покрывало с изображением битвы. И троянцы, и ахейцы совершали на полотне подвиги – из-за неё, из-за Елены. Тут к ней в чертог вошла золовка, сестра Париса, самая красивая из дочерей Приама. А на самом деле это была не она вовсе, не Лаодика, а принявшая образ её вестница богов Ирида. Можно спорить нам смертным, по чьей она воле явилась – а вдруг по своей?.. – или послана была Герой к Елене?

Вестники богов предпочитают менять внешность – может быть, потому, что не хотят зря смертных смущать. (Да и понять можно богинь – не так уж и плохо обретать образ первых красавиц, – а кому не хочется разнообразия?)

...Что ты делаешь здесь? Такое сейчас происходит!.. Ты разве не слышала боевой клич троянцев?.. Представляешь, едва не началась настоящая битва!.. Два войска сошлись... колесницы, медные латы... Красотища – где такое увидишь?.. Каждый воин на подвиг готов!.. Но сражаться условились двое... один на один... и как ты думаешь – кто?.. Наш Парис и царь Менелай, твой прежний супруг!.. Будут биться на копьях!.. Кто одолеет кого, тот и назовётся мужем твоим!.. Ну иди же, иди!..

Елена забыла о ткацком станке, быстро пошла, почти побежала, с каждым шагом всё больше волнуясь, – за ней торопились служанки. Это Ирида её так взволновала умело, и не только словами, но излитием в душу непосредственно сильного чувства – по дому, по прежнему мужу, по той стороне...

Над крепостными воротами поднялась на башню Елена. Здесь уже были великие старцы, полководцы давних времён и с ними Приам, её царственный тесть, владыка Трои.

Взоры все на неё обратили, когда она подходила.

Говорили негромко старцы друг другу: вот и она, вот и она, красота невозможная – да, за такую нельзя войне не начаться, а всё-таки было бы лучше ей назад возвратиться – за море, гибель от нас отвела бы...

Не столько слышит те голоса Елена, сколько угадывает, о чём толкуют. А царь Приам сажает рядом с собой на скамью, «дитя моё» ей говорит.

Так потом могла бы рассказать Елена.

...Села я рядом с ним и от него слышу: нет, говорит, на тебе вины никакой. Значит, дитя моё, так богам угодно – свести на жестокой войне народы. Лучше поведай мне, кто там – медные доспехи на солнце сияют, это же предводитель войска – царь, не иначе? Как его имя?

...Атрид Агамемнон, царь царей в просторах Эллады. Моего прежнего мужа доблестный брат.

...А про того расскажи – он ростом пониже, но широкоплеч и, вижу, могуча грудь у него. Овна мне он напомнил – ходит неспешно между рядами, и послушно стадо ему.

...Одиссей, сын Лаërта, он царь Итаки. В хитроумии нет ему равных.

...А этот? Самый высокий, самый, вижу, могучий – да он почти великан!

...Аякс Теламонид. Саламинцев предводитель. Мой двоюродный брат. Частым гостем был в доме у нас, друг Менелая...

Так узнавала я многих.

Про Менелая не спрашивал – за что ему благодарна. А впрочем, ясно и так было всем, кто Менелай.

Кого не видела, братьев своих единокровных – Кастора и Полидевка. А всё искала глазами.

Не знала, что нет их в живых.

Договорённость следовало скрепить клятвой.

Жертвенных животных вывели на середину поля. Вынесли священное вино в козых мехах, чашу и кубки.

Агамемнон готов был воздать богам со стороны ахейцев.

Идей, вестник царя Приама, воззвал к своему владыке – выйти за стены града и принести клятву.

Сын ли его погибнет, Менелай ли, напротив, уступит Парису, что бы ни стало, чем бы ни закончилось единоборство, народы ныне заключают дружбу – троянцам останется Троя, ахейцы возвратятся домой.

Ворота открылись, и выехал Приам на колеснице. И скоро ступил между войсками на землю.

Провозвестники с обеих сторон смешали вино в сияющей на солнце чаше. Вожди совершили рук омовение. Им раздали шерсть от длинных кудрей, срезанных с голов приносимых в жертву овнов, – дабы сильнее ощутил каждый к великой клятве причастность.

Агамемнон, готовый заклать жертвенных овнов, обнажил меч и призвал в свидетели Зевса и Гелиоса – один взирал на действие с вершины Иды, другой – с небес со стороны солнца. А также позвал в свидетели и хранители клятвы горы и реки, и главное – воды подземного мира, в котором клятвопреступников ждёт посмертная кара.

Если Парис, сын Приама, убьёт Менелая, сына Атрея, ахейцы откажутся от требований к Илиону, и все корабли их отплывут в Элладу. Если Менелай убьёт Париса, Троя возвратит Елену и похищенные с нею богатства, а кроме того, сверху доплатит, и память об этом во веки веков сохранится.

Тут он и перерезал горла жертвенным овнам, предоставив им умирать в судорогах. Возлияния богам вожди совершили.

Приам, давший клятву, объявил, что возвращается в стены града, – нет сил у него, отца Париса, видеть этот бой своими глазами.

Гектор и Одиссей измеряли поле для поединка.

Зевс мог бы потом так сказать, если бы сам с собой поговорить надумал.

...Что получается? Я тому ложный сон насылаю, чтобы беду на него навести, а он тут клянётся передо мною и в хранители клятвы меня призывает... Нехорошо. Как-то всё вкривь и вкось пошло. Это противоречит моему замыслу. Жертвы не принимаю. И клятв их мне не надо. С другой стороны, какое мне дело? Пусть думают, что хотят.

Арес, бог войны, мог бы так говорить.

...Сожалею. Всё к битве шло. Не получилось. А какая бойня могла бы быть... Ну что это такое? Жребий тянут. Кому первому копье метнуть. Напридумывали всяких правил... Но ничего, ничего, будет ещё битва, будет ещё брань...

Афродита могла бы так сказать.

...Милый славный Парис, ну чем не красавец? Шкура пантеры на плечах – о, прекрасный!.. А как ему латы идут!.. Как красиво он их надевает, взяв у брата... начиная с поножей... так и смотрела бы.

Конский хвост шлем украшает... Вот образец воина!..

А что Менелай?.. Никакого изящества!.. Злобой дышит, воспламенён мстостью... Кто хотя бы раз один его видел, никогда уже не осудит Елену!.. Не понимаю, что в нём находит Афина...

Сходятся. Остановились у линий... Давай, Парис!.. Бросай копье первым – жребий на твоей стороне, и я с тобою!.. Молодец!.. Отлично!.. Почти получилось... Щит Менелая прочен... Не пробит – бывает. Но метал ты красиво... так и смотрела бы.

Прوماхнись, Менелай, тебе не убить Париса!.. Посмотри на него – он сама Победа!.. Нет, не надо смотреть, кидай, не метясь!.. Ах, зачем же так? Так и убить можно...

И к чему этот рык?.. Менелай, ты ужасен!.. Ну пробило твоё копье щит Париса... Ну а дальше-то что?.. Сам не видишь?.. Жив Парис, невредим Парис, даже не ранен!

Ах, Парис, не теряйся!.. Смотри, что он хочет!.. Он хочет мечом тебя, по твоему шлему!.. Так тебе, Менелай, за твою злобу!.. Разлетелся меч на куски, медный!.. Это я так придумала. А ты как хотел?..

Парис!.. Не бойся!.. Соberись!.. Слышишь? Он Зевса клянёт за то, что Зевс против!.. Плохи дела у него, раз виноват громовержец... На тупую ярость врага твоего так и смотрела бы.

Осторожно!.. Задушить вздумал!.. Это надо ведь так – вцепился в горло!.. За шлем ухватил и по земле тащит!.. А ты ногами упирайся, упирайся ногами!.. Он ведь к своим тебя хочет!..

Сейчас перестанешь хрипеть... Это так тебя ремешок на шлеме... Воловий, крепкий, зараза!.. Я помогу... Ну-ка... Раз – и порвался ремень... Я с тобою!.. Рано, рано они ликовать начинают... Ты, главное, их не слушай!.. Сейчас им покажем, кто у нас тут победитель!..

Хорошо тебе, красавец? Легче стало?.. Вот теперь ты его одолеешь?.. Нет?.. Ну что, не подняться?.. Бедный, бедный Парис... Ох как он тебя!.. Копьём замахнулся... Изымаю тебя из клешней этого изверга!..

И тут произошло невероятное. Парис, которого, ухватив за шлем, только что по земле волочил Менелай, внезапно исчез.

Сначала оборвался ремень, и шлем, слетев с головы Париса, заставил Менелая повернуться по движению его руки – шлем полетел к ликующим ахейцам, а Менелай обернулся и – замахнувшись копьем – не увидел Париса.

Был Парис, и нет никакого Александра.

(Александр – второе имя Париса.)

Ор войск, сопровождающий поединок, вмиг стих.

И только дыхание разгорячённого Менелая раздавалось над полем, он метался и не мог найти своего противника.

А что же произошло с сыном Приама? Афродите показалось недостаточным спасти ему жизнь – захотела страдания возместить ему женской любовью: перенесла его не куда-нибудь, а в опочивальню, исполненную благоухания, прямо к брачному ложу.

Правда, Елена в это время была на башне.

Афродита могла бы так говорить.

...Окружённая толпой служанок, она на башне стояла. Я решила её увести и в образе старой пряжи явилась – та ещё ей во дворце Менелая служила, вместе бежали, самой верной была из служанок. Вот я, на башню, кряхтя, поднявшись, и говорю моей девочке. – Хватит смотреть, больше зрелищ не будет. Твой ненаглядный меня за тобой посылает. Ты удивишься, он ждёт тебя в спальне. Одет как на праздник и лицом красоту излучает... Весел и бодр – и как будто не дрался ни с кем!

Знала, что узнана буду, – нарочно свою бесподобную шею (такая она у меня) старить не стала, как, впрочем, и грудь, да и глаза я свои не обделила их истинным блеском. Как меня не узнать? Узнаёт – и что же я слышу? – Слышу из уст её (её чуть не трясёт): о ты коварная, к чему соблазняешь меня? – Это мне говорит! – Говорит: Менелай победил; как бы я ни была ему ненавистна – мне вернуться к нему! А с этим, который бежал, мне не ложе делить, а позор. Ты меня, говорит, на что совращаешь? А иди-ка сама к нему, мне говорит, ты ведь от него, говорит, без ума – откажись от бессмертия и млей перед ним до конца своей жизни – хоть женой, хоть рабыней!..

Мне такое сказать!.. Беспримерная наглость!.. У, как я разозлилась!

Ты кто? Кто ты такая, чтобы... чтобы... чтобы с кем ты имеешь дело, забыла? Неблагодарная! Следуй за мной! А пикнешь ещё, возненавидят тебя оба народа! Вот тогда ты узнаешь, тогда ты поймёшь!

Сразу притихла. Идём. То-то же. В дом его входим. Он – так и смотрела бы – великолепен, встречает. Я кресло подвинула ей, недостойной. Села, глядит на него. И опять кочевряжится, но уже не трясётся: ты, говорит, опозорился, было б уместнее, если бы там лежать остался убитым... А он ей так говорит. Прекрасная! Мои мысли все о тебе, а про то я не думаю даже!.. Глупости какие!.. Будет случай, я одержу победу, с кем хочешь, в единоборстве. А этому сейчас помогала Афина, разве не видно? Лучше посмотри на меня, какой страстью к тебе я пылаю! Даже когда тебя похищал, было не так... Никогда тебя так не желал, как сейчас... Радость моя, ну идём же, идём!..

Короче, увёл за собой. У меня получилось.

Войска расходиться не торопились. Все были до крайности возбуждены. Менелай, как бешеный зверь, носился по полю, крича в пустоту, чтобы беглец вновь появился. Взаимоусиление ярости и досады грозило ему разрывом груди изнутри.

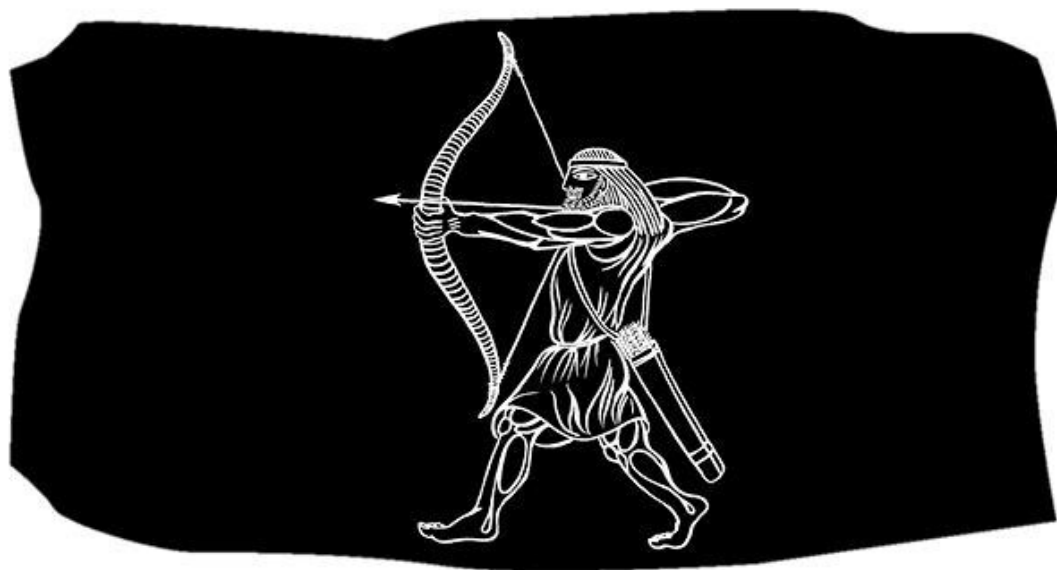
Наконец Агамемнон провозгласил именем Зевса победу за Менелаем.

Потребовал вернуть Елену и все богатства и заплатить сверх того.

Ахейцы возликовали.

На стенах Трои отвечали молчанием.

Зевс делал вид, что не слышал.

Нарушение клятвы

...Кстати, что там у нас на троянском фронте? Это я к моим дорогим – Гере с Афиной. Переживаете, да? – за ахейцев, за Менелая... Я понимаю. Я вижу. Нет, нет, это я так, пейте нектар. Мы тут на Олимпе сидим, у нас полы золотые, юная Геба в кубки нам подливает (детка, спасибо), я только к тому, что, если взять Афродиту, вся она там, у него – рядом с любимцем своим. Ни на шаг не отходит. И надо же так умудриться! Я и сам уже мысленно его хоронил, так ведь нет – в последнее мгновение спасла! А то бы и конец Троянской войне. Ну и что будем делать? Не зачтём Менелая победу? Надо б зачеств. Он победил. Или как? Распря продолжим? Или, может, конец? Пусть помирятся оба народа, Троя будет стоять, развиваться и крепнуть, а эти к себе уплывут – и Елену пускай забирают. Дружба! Мир! Так, пожалуй, и надо?

Это всё Зевс произнёс издевательским тоном – с единственной целью Геру позлить.

Афина сдержалась, не стала перечить отцу. А Гера молчать не могла, отвечала супругу.

...Хищник ты. Тебе безразлично, сколько я сил положила, чтобы всех их собрать и переправить по морю. Чтобы развязать эту войну. Нравится во всём мне препятствовать? Что ж, делай как хочешь, только знай, не все тут тебя одобряют.

...А чего ты пристала к этим троянцам? Мне они ничего плохого не сделали. Жертвы приносят исправно, дым от их алтарей образцов... Почему я должен потакать твоей ненависти? Окажись ты там, в стенах Трои, ты их всех живыми пожрёшь – и Приама, и остальных – как бешеная людоедка. Да мне-то что? Поступай по-своему. Не хватало ещё из-за этого ссориться. Но давай договоримся, ты мне тоже не станешь мешать, когда я захочу уничтожить милый твоему сердцу город.

...Аргос, Спарта, Микены – эти люблю. Но если захочешь казнить их, даже не пикну. Всё равно по-своему сделаешь. Хорошо, истребляй. Но и ты будь любезен мои труды уважать. Из того, что ты тут сильнейший, ещё не следует, что остальные не боги. Все мы боги тут на Олимпе. А я тебя старше и вдобавок – жена. Так что давай по-хорошему, будем примером другим. Оставим дрязги. Пошли-ка, муж мой, Афины к троянцам, пусть она сделает так, чтобы те свою священную клятву нарушили. И чтобы были они виноваты.

Зевс проявил непоследовательность – вопреки обещанию Фетиде послушался Геру, – обернулся к Афине и дословно повторил ей, что просила жена. Дочь его совоокая только того и ждала. С радостью низверглась она с Олимпа, обрета на сей раз неантропоморфный образ – падучей звезды.

Так потом могла б рассказать.

...Ух как я пронеслась!.. искромётная – с жаром!

На меня смотрели полки. Видела, как в тысячах глаз отражаюсь – вся огонь и стремительность, – и искры летят! Так, в глаза им входя, изумление внушала...

Забавно слышать, как они потом обсуждают, что же это и зачем с неба упало. Одни говорят, быть кровавой войне, а другим почему-то мерещится в прилёте моём предвещание мира.

Ладно, скоро узнаете.

В камне, с неба упавшем, задерживаться не хотела – обрела человеческий образ, а именно храбреца Лаодока, одного из защитников ей ненавистного града. Вот этот не-Лаодок (он – Афина) ищет в троянской толпе другого защитника – Пандара; очень сей доблестный воин нужен сейчас Афине. А как тут найдёшь – войско большое, и всюду рядами щиты людей заслоняют.

Вот он. К нему подошла.

А чем он интересен Афине, вот этим: среди троянцев лучший стрелок.

Говорят, его сам Аполлон стрельбе научил. А лук у него изумительный, дивный. Гордость лучника – лук. Изготовлен из рогов горной козы, которую Пандар застрелил на охоте, –

на шестнадцать ладоней возвышались рога над козым черепом. Лучший искусник над этим чудом трудился – творец дальнострельных луков, первый из первых.

Так и стоял Пандар, глядел в пространство. И вдруг он слышит внутренний голос – а это Афина к нему подошла и, распознав точно, перестала быть ищущим его Лаодоком.

Говорил ему внутренний голос: доблестный Пандар, лучник лучший! Слушай меня. О чём размышлялся? У тебя лук превосходный, и ты не умеешь промахиваться. Только твоя стрела долетит до тех позиций. Пообещай Аполлону богатую жертву и не теряй времени, убей царя Менелая! Будет радость у троянцев – Менелай мёртвый! Вознаградит Парис тебя за этот подвиг. Бери свой чудо-лук и стреляй в Менелая.

Вот что Афина ему внушала вкрадчивым, но убедительным голосом, за свой принимал он который, думая, что в голове его раздаётся.

И что же? Отступив за надёжные щиты соратников, чтобы не выдать умысла, он, тихий безумец, небывалый лук напрягает, концом в землю упёрши, и тетиву натягивает с помощью крючка на верхнем конце оружия.

Лук готов исполнить задуманное. Аполлону обещана обильная жертва.

Остаётся стрелу достать и, к луку приладив, метко нацелить её, учтя расстояние, и – взяв поправку на ветер – отпустить – пустить смертоносную.

Что и делает он: отпускает.

Только Афина стрелы быстрее.

Раз – и переместилась мгновенно: подле того она оказалась, в кого стрела мчится. То ли царя Менелая в бок подтолкнула, то ли спугнула стрелу как-то, но, чуть-чуть изменив направление, попадает та в золотую пряжку на широком поясе, стягивающем доспехи. А это уже двойная защита.

Пряжку расколола и в броне застряла, поранив кожу несильно. Всё как Афиной задумано. Получилось весьма выразительно: царь Менелай – пошатнувшийся, но на ногах, из него стрела торчит, и кровь из-под брони по ногам стекает.

Как закричит Агамемнон: убили брата!

Стал он прощения просить за то, что заключил этот мир нелепый. А Менелай говорит: да вроде жив я. Повезло, что в пряжку стрела. Ещё не умер. Что же это было такое? Как же это можно себе представить?

Врачевателя привели.

Так бы мог рассказать Махаон, врачеватель.

...Что умею, то умею. Я же сын отца моего, а мой отец – Асклепий. Наш с братом отец мог мертвецов воскрешать, мы с братом так не умеем. Но много знаний он нам передал, а сам научился всему от кентавра Хирона, тот уж знал всё на свете... Что касается царя Менелая, жизни его угрозы нет. Случай счастливый, могло быть хуже. Первым делом я вынул стрелу. Потом с него сняли царские латы, и я осмотрел рану. Потом, к ране губами прильнув, высосал достаточно крови. Врачевательной присыпки не пожалел. Раненому на глазах становилось лучше.

Миру, разумеется, пришёл конец. Пока Махаон лечил Менелая, пока ахейцы терзались гневом, пока угрожали они вероломной Трое, троянцы сами, недолго думая, пошли в наступление.

Агамемнон обходил войска. Приветствовал тех, кто изготовился к битве. А тех, кто отлынуть хотел (были такие), грозно ругал и стыдил.

Вот Идомений отважных критян построил. Слава царю Крита!

Вот оба Аякса, буйные головы, в бой повели грозные тучи народу. Слава Аяксу Теламониду, Аяксу Великому, царю Саламина! Слава Аяксу Оилиду, Аяксу Малому, царю Локриды!

Вот Нестор, мудрый старец, колесницы выстраивает в три ряда, каждый поручая военачальнику, облечённому его доверием. Слава царю Пилосу!

Зажигательные речи произносит Агамемнон, возжигая в сердцах боевую радость.

Но не всеми доволен он. Иные отчего-то медлительны.

Менесфей никуда не торопится. Больше бодрости, царь афинский!

Одиссей пререкался надумал. Не сейчас, не сейчас, царь Итаки!

Диомед, ты ещё ничего не знаешь? Осмотрись – и вперёд, царь Аргоса!

И началось.

Волнам прибоя подобны толпы вперёд устремившихся.

Троянцев союзное войско кричит на всех языках.

Молча, сжав зубы, идут ахейцы.

Этих побуждает Афина, ненавистница Трои. Тех – троянцев – Арес, бог войны. С ним Страх и Ужас – Фобос и Деймос – приходят. Сестра его Распря, она же Эрида, разрослась до небесных высот и всё охватила, объяла.

Копья, кожа щитов, сила мускулов, мощь соприкоснулись.

Щиты о щиты – и покатались громовые раскаты, – кто, ликуя, кричит, кто стонет, кто рычит звероподобно. Хлынула кровь – чужая, своя...

Счёт смертям открыл Антилох – он убил Эхепола. В лоб – копьём.

Элефенор, царь абантов, схватив за ноги труп, хотел оттащить его, чтобы снять доспехи, и был убит копьём Агенора.

(Так ли нам важно тут – кто за кого? Хорошо: Агенор – сын Антенора, отважный троянец.)

Аякс Теламонид убил Анфемииона, этот малоопытным юношей был. Конкретно: копьём – в правый сосок. Победитель мгновенно избавил труп от доспехов.

В Аякса копьём пытался ударить Антиф, сын Приама, но попал в пах Левку, Одиссеу другу, когда, надо заметить, тот был беззащитен, потому как оттащивал труп Анфемииона. Рядом с ним и упал.

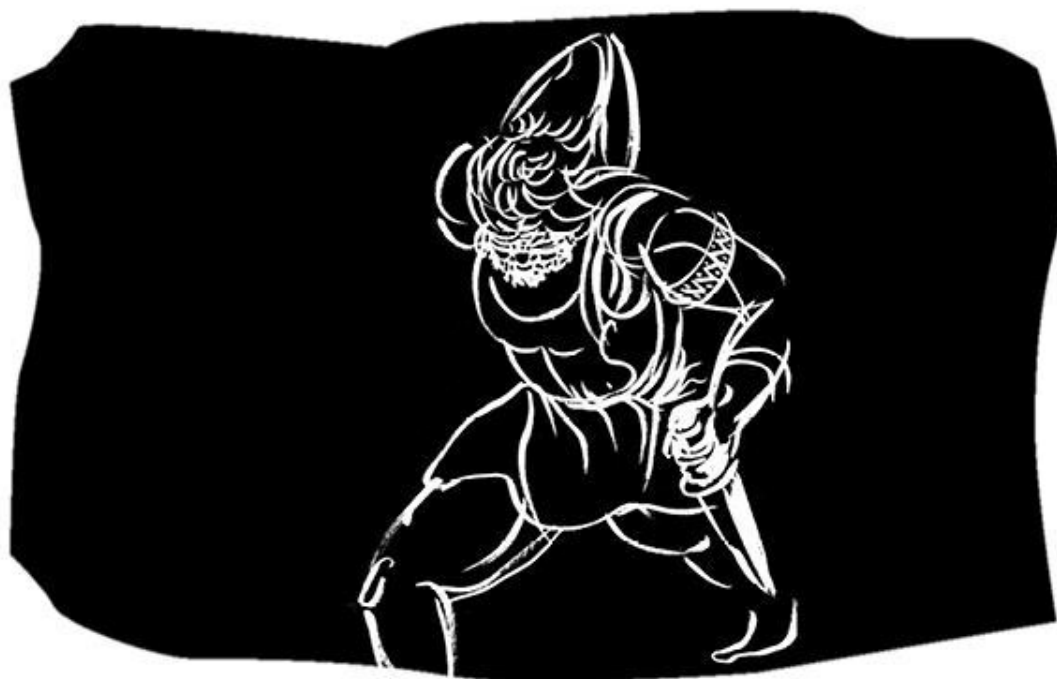
Одиссей, возгоревшийся местью за Левка, пробил, взревев, копьём голову Демокоона, сына Приама (правда, побочного), – от виска до виска.

Пирос, предводитель фракийцев, перебил камнем ногу Диору, одному из элидских царей, а потом проткнул ему, лежавшему на земле, пикой живот. Однако не успел снять с трупа доспехи – ему самому проткнул грудь, разорвав лёгкие, очутившийся рядом Фоас, царь Этолии. Добивал Пироса уже мечом. Хотел прибрать доспехи, но набежали фракийцы и отогнали убийцу от трупа своего предводителя.

Труп – это выкуп. Доспехи – добыча, трофей.

Война – это прибыль.

Прибыль и убыль.

Подвиги Диомеда

...Арес, ты Арес, человекогромила, послушай, заляпанный кровью! Есть предложение... Давай, сокрушитель всего... давай возьмём да и кинем – и тех и других, и пусть разбираются сами – Зевс им в помощь, а мы с тобой отдохнём. Айда на природу?

Бог войны, а доверчивый, мне сразу поверил. Я его посадила на берег Скамандра, на зелёную травку – отдышись, отдохни. Посмотри, как красиво, какая река... А сама к ним воротилась. А он так и сидит. Потому что не надо троянцам подыгрывать, мог бы быть и над схваткой. Сам виноват. Остолоп злобный.

И вот наблюдаю, как наши стали давить.

Ну давайте, ахейцы!

Агамемнон на копьё насадил, причём со спины, широкоплечего Одия, царя гализонов, союзников Трои.

Идоменей поддел копьём за плечо богоравного Феста.

Менелай проткнул Скамандрия. Не помогла Артемида бедняге, хотя сама научила прервратностям охоты на вепря. (Кстати, где она? – что-то не вижу...)

Мегес – Педия.

Еврипил – Гипсенора. Этому руку отсёк, когда он убегал.

Ну и так далее.

Но не видела я Диомеда. А как Диомеда увидишь, если рубить и колоть он повсюду способен? Не уследишь. Того гляди, глаза разбегутся.

Вдруг слышу, вызывает ко мне. Помощи просит.

Вот он! Стоит, а стрелу из него уже вынул соратник – со спины! – был прострелен насквозь, и теперь бьёт из панциря кровь родничком. Хочет в бой, но не может. Не может.

Я тебя, герой, сейчас исцелю. Чтобы бил ты троянцев!

Переместилась – к нему. И вмиг исцелила.

Больше того: храбрость и мощь я в нём возрастила, взяв непомерную мощь и храбрость его же отца, неукротимого отчаянного Тидея...

(Мёртв отважный Тидей – храбрость и мощь ему не нужны...)

(ух, не забыть весь ужас гибели этой: как Тидей успевает повергнуть своего же убийцу и пьёт, пьёт, пьёт его мозг...)

(впрочем, это Софокл...)).)

Но и этого мало. Тебя, исцелив, тайным знанием одеваю – как, Диомед, отличить бессмертных от смертных. Знай! Очень полезно в бою. А то ведь можно нарваться... Хотя...

Хотя одно исключение.

Думай сам, но в принципе я не против...

Афродита... С ней можно.

Вперёд!

Исцелённый Диомед, чьи были приумножены силы, с утроенной яростью стал громить троянцев.

За короткое время он убил – имена их известны: Астиноя (копьём), Гипенора (мечом), братьев Абанта и Полиида (сыновья толкователя снов Евридаманта; и забрал их доспехи), братьев Фоона и Ксанфа, братьев Хромия и Ехемена (отобрал и доспехи, и колесницу)...

Известны и подробности смертельных увечий, которые Диомед наносил каждому по отдельности. Мы не будем об этой жути кровавой.

Зрелище Диомедовых успехов Афины радовало.

А вот Арес, ею отвлечённый куда-то на береговую травку, всё прозевал. Может, он там задремал, утомлённый, – кто ж его знает, бога войны жестокосердного...

Афродита смотрела с ужасом на избиение троянцев.

Так потом могла рассказать.

...Бешеный! Остановить его надо... А тут сын мой Эней подбегает к Пандару: почему не пускаешь стрелу, лучший стрелок, владелец чудесного лука?.. А тот ему: знаешь, я сегодня уже ненормального этого один раз прострелил, броню пробила стрела, и, веришь ли, остриё из спины вышло наружу... Уверен был, что не жилец, а посмотри на него – он исцелённый!.. Кто-то бессмертный с ним рядом стоит. Рядом – невидимый... Ещё тебе кое-что скажу: Менелай... это, по-твоему, как? Он живой. Это как объяснить?.. А попал я в него хорошо, от такой стрелы, клянусь, никому не выжить! Кто-то спас его, вот что!.. А нас, теперь вижу, подставил... Если жив останусь, и домой возвращусь, и встречу жену и детей – брошу в огонь этот лук криворогий...

Ладно, ладно, Эней говорит, вот колесница. Я буду править, а ты его прикончишь копьём, если стрела не берёт! Смерть ему принесём на двух колесах!

И помчались они... А я-то знаю, что лучше коней и быть не может... Потомки они коней самого Зевса... Кобылиц к тем подослал один царь хитроумный... Но речь не о лошадях, это другая история...

Что-то я пропустила... Такая стремительность!.. Пандар копьё так сильно метает, что пробивает щит этому сумасшедшему... И слышу я крик победный: вот тебе! Ты убит, ты убит в промежность!..

А тот ему: какая промежность? Никакой промежности!.. И сам копьё бросает... и пронзает голову чересчур ловко... вижу: точно – помогла Афина!..

Грохот раздался – это об землю латы... Упал!.. Мой Эней – прыг с колесницы... А иначе те труп мгновенно утащат... Оборонять надо... Не то – прощайте, дорогие доспехи!..

Сын мой Эней со щитом и копьём, и голос грозен... И никто бы не подошёл к сыну богини... А этот буйный камень хватает – двоим не поднять – и моему Энею по ноге, по правой... вой...

Ох, всё там сплющилось... переломалось... нет ноги!.. Опускается мой на другое колено и глаза закрывает, теряя сознание... Тут уж я встrepенулась... Добить его не дала... Распростёрла над ним покров-пеплос... и понесла на руках, понесла над землёй, прочь по воздуху... прочь отсюда...

А этот безумец за мной бежит!

Я от него, а он за мной, он за мной, безумец!..

Да где ж такое было видано, чтобы смертный бессмертную так преследовал?!

А эта шелупонь ещё в меня и копьём – в меня, в Афродиту!

И вот сюда – в руку!..

Вот здесь – где ладонь!

И кровь моя бьёт бессмертная, чистая... Я кричу – от страха, от боли... Да что же это у нас происходит?..

Падает сын мой, мною выроненный, но Аполлон, тут как тут, подхватил моего Энея и – всё, спасён! – сделал невидимым... объял туманом...

А этот костолом... скот какой... мне – богине... Проваливай, рычит!.. Жён чужих оболстительница!.. Тут война!.. И чтобы больше тебя не видел!..

Ирида, вестница, спасибо тебе, из боя меня выводит, я на неё опираюсь.

А тут сидит Арес в какой-то задумчивости...

Проснись, Арес!.. Ты что же – ничего не видишь?.. Из меня кровь бьёт... бессмертная, нежная... Смотри: на Афродиту смертный руку поднял!.. Негодяй, ничтожество!.. Всё расскажу на Олимпе!.. Дай, пожалуйста, колесницу, не добаться мне до Олимпа самой...

Дал. Добралась.

Наши нектар пьют, войну смотрят... Увидели меня – переполох сразу!.. Вот, говорю, смертные с кем воюют!..

Диона, милая мать моя, меня обнимая, боль утоляла. Раны коснулась – раз, другой, и вдруг мне пришло исцеление...

Все мне сочувствуют тут. Кроме двух – легко догадаться, о ком я – об Афине и Гере. Радость скрывают едва. Афина ещё подхихикивать стала.

А что, говорит Афина Зевсу, наша прекраснейшая (это она обо мне!) опять смертную совратила? Хочет у мужа её увести и другому подсунуть? Поди, обнимала её и так и этак, вот и порезалась за крючок на одежде (обо мне!.. обо мне!..).

Как я на неё разозлилась!.. Колотырка ты, змея совоокая!.. Это ты всё подстроила, я ведь знаю!..

А Зевс... и этот... и он туда же... Мне. – Допрыгалась? Занимайся своим – цветами, любовью.

Тем временем свирепый Диомед продолжал набрасываться на беспомощного Энея, желая добить его и забрать доспехи, и странное дело – сам Аполлон, взявший под защиту тяжелораненого героя (и куда только делся туман-невидимка?), не мог унять свирепств неугомонного Диомеда. Наконец, на него цыкнув – дескать, бойся богов! – торопливо переместил подзащитного прямо в Трою – в свой собственный храм, подальше от этого необузданного.

Там Эней был немедленно исцелён. Артемида и Лето сделали так, будто ничего с ним не случилось.

Замечательно, что на месте, где продолжалась битва, исчезновения Энея никто не заметил – он как был, так вроде бы и оставался, – только это был уже не он, не Эней, а его двойник, призрак. Аполлон позаботился о таком замещительстве, он даже снабдил призрака доспехами, из-за которых, собственно, и шла местная битва – одни на них посягали, другие их защищали.

Аполлон призвал Ареса на помощь. Хорошо бы найти управу на того ошалевшего. Ничего себе – Афродиту копьём ударил, совсем рассудка лишился!

Арес, очнувшись от наведённой на него Афиной задумчивости, немедленно приступил к делу: принял грозный образ фракийского вождя Акаманта, чтобы обратиться к троянцам с призывом спасти лежащего в прахе Энея (получается, двойника...).

Обстоятельства складывались не в пользу троянцев – следовало в них побуждать силу, и дух, и силу духа.

Сарпедон, царь Ликии (и сын Зевса – ни много ни мало), горькие упрёки бросал в лицо самому Гектору: мы тут, верные союзники Трои, костями ложимся и кровь проливаем, а что же вы притихли, троянцы, – как-то вяло воюете?

Пристыженный Гектор ярким словом воодушевил троянское войско, и продолжилась битва с новым жаром.

Успех в сражении был переменным.

Гера могла бы потом рассказывать.

...Мы чуть дара речи не лишились с Афиной!.. Троянцы наступают, и кто же ведёт их?.. Ба! Сам Арес!.. А ты сказала, что увела с поля брани его, да вот же он!.. Никогда они войском за ворота Трои не выходили, и вот – осмелели-то как!.. Бог войны заодно с ними!.. А как же наши обещания Менелаю?.. А где наша поддержка ахейцев?.. Ещё немного, и мы будем сами просить о помощи – здесь, на Олимпе!.. Действовать надо!.. Запрячь коней олимпийских!..

Сама запрягала. Геба мне помогала – колёса из меди с золотыми ободьями надела на железную ось...

Нет коней горячее и быстрее, чем эти. Нет других – чтобы так рвались в бой!..

И могла бы к тому добавить Афина.

...А я скинула с плеч покров, лёгкий, воздушный, самую и вытканый, долго падал он у входа к Зевсу в чертог, – и надела отцовские латы. Поверх доспехов накинула эгиду Зевса-

отца, наводящую ужас и таящую непомерную силу. Шлем надела. Взяла копье боевое. Все как надо – иду на войну.

Вот я в колеснице. Бич у Геры в руке, и – коней она погнала. И открылись ворота небесные...

Там ещё сидел Зевс на скале, нас увидел, нельзя же мимо него – надо бы спросить разрешение.

Остановились. Гера ему говорит, мы тут Ареса прогнать с поля битвы хотим. Ты не против?

Он плечами пожал. Вроде как всё равно. Сказал про меня – чтобы я занималась воительством.

А я и рада!.. И помчались мы в гущу сражения.

И могла бы к тому Гера добавить.

...Диомед подустал. Доблестные мужи его окружали, но рваться в битву они не спешили. Я приняла образ Стентора, этот образ тем меня привлекал, что умел воин Стентор так заорать, как пятьдесят самых громких глашатаев, когда бы им всем закричать вместе случилось.

Вот я и кричу. Так, что трясётся земля. В трусости их обвиняю. В том, что герои по внешности только! Был бы Ахилл... При Ахилле такого бы быть не могло!.. Чтобы так осмелели троянцы!..

Воспламенила я их и голосом, и словами – вижу, глаза заблестели.

Афина к Диомеду идёт. – Диомед! Где твои силы? Руки, спрашивает, немеют? Так вспомни отца, говорит! Вот кто герой был – Тидей!.. Неутомимый на поле брани!..

А он ей так отвечает: ты права, говорит. Я узнал тебя. Но что мне делать, когда возглавляет их воинство бессмертный, – посмотри, это же сам Арес, бог войны, хоть и в образе смертного!.. Нам нельзя с бессмертными воевать, дохлое это дело. Ты мне сама запретила. Вот только Афродиту ранил копьем. С твоего разрешения...

...Да какой он бог, восклицает Афина, – так, место пустое! А тебе это важно? Злобное пугало он или разрушитель всего – да какая нам разница, Диомед? Соберись! Вместе мы его одолеем. Я сама буду править колесницей, а с тебя только меткий удар!

И могла бы Афина к тому добавить.

...Всё так и было. Воспламенился герой наш от моего крылатого слова... Я место Геры заняла, боевой буду возницей... Надела маску Аида, это чтобы бог войны меня не узнал – стала для него невидимой... А мой герой Диомед рядом со мной стоит и глазами блещет... Коснулась кнутом лошадей. Ну что, Диомед?.. С Зевсом!

Арес, бог войны, мог бы так рассказать.

...Радостно видеть, как погибают герои. Вообще-то я за троянцев. Но гибель любого героя в бою хороша!

Мною возглавлено наступление! Я бог войны, жестокий Арес, бойтесь меня, ахейцы! Со мною Распря, со мною Ужас и Страх! Всех ненавижу, а вас, ахейцы, – особенно!..

Ещё немного, и мы бы сожгли их корабли... Но тут колесница – и на меня!.. И медью сияет...

Это кто там с копьем? Это ты, Диомед? Что-то ты разбуянился, смертный!.. Вот тебе, получай!

Он, конечно, щитом...

Да что мне твой щит!.. Защитился? Нет, скажи, защитился?

Так и прошло насквозь копье моё медноконечное...

Сквозь щит!

Ему бы и дальше – сквозь Диомеда...

Ан нет... Почему-то.

А почему – некогда думать. Но мысль была: невероятно!

По всему я должен был его проткнуть.
А тут он – в меня!
Невероятно!
Больно, больно мне!.. В низ живота!.. Кто тебе помогает?..
Как я заревел!.. Воздух, земля – это рёв мой – дрожите! Раненый бог! На бога войны
смертный напал! Я убит.
Нет, я бессмертный.
Хуже всего бессмертному среди трупов лежать и от боли стонать, глядя в небо.
Это она. Она ему помогла! Отвела моё копье, а его направила!
На Олимп! Только так! Одно спасение!
Зевс-отец, я твой сын. Помоги! Ты всё можешь.
А он сказал мне, что я плохой. Что если бы я не был сыном его, он бы меня, пожалуй,
прикончил. Но поскольку я сын, делать нечего, исцелит. Позвал Пеана. – Исцеляй.
Исцелён, исцелён!..
Но куда же, куда катится мир?!

Гектор в городе. Прощание с Андромахой

...Плохо дело, Гектор. Ахейцы сильнее. Их Диомед необуздан. Давят, давят... Ты знаешь точность моих предсказаний, полёт птиц меня не обманет, вот что вижу я, твой брат, я – Гелен, предсказатель. Один только выход у нас – умолить Афины. Отправляйся в город, брат, скажи нашей матери, чтобы собрала почтенных женщин, и чтобы выбрали они самый дорогой, лучший из лучших покров, и чтобы торжественно принесли его в храм Паллады и возложили божественной статуе на колени. И чтобы дали обет богине принести в жертву, когда она поможет троянцам, двенадцать однолетних тёлочек, никогда не знавших ярма. А иначе, брат, плохо дело троянского войска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.